

*Максим Муравьев*

# *Нулевая ветка*

18+

Максим Муравьев

**Нулевая ветка**

«Автор»

2026

**Муравьев М.**

Нулевая ветка / М. Муравьев — «Автор», 2026

Обычные люди называют это дежавю. Грант называет это перехватом пакетов данных из соседних реальностей. Три секунды форы. Этого достаточно, чтобы избежать аварии, выиграть спор или просто не наступить в лужу. Но у его «радара» есть одно слепое пятно — девушка по имени Рина. Рядом с ней будущее становится абсолютно чистым листом. Она — его единственная настоящая жизнь в мире, где все остальные люди похожи на NPC с прописанными скриптами.

© Муравьев М., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 6  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 10 |

# Максим Муравьев

## Нулевая ветка

НУЛЕВАЯ ВЕТКА

*Автор: Муравьев Максим Дмитриевич*

© Муравьев М. Д., 2026. Все права защищены.

## Глава 1

Я держал её за руку, когда время вокруг нас вдруг сделало выдох и загустело, как остывающий гудрон.

Знаете это дурацкое чувство, когда заходишь в комнату, смотришь на пыльный угол стола или чужую чашку с недопитым чаем, и тебя накрывает липкой волной: это уже было? Обычные люди в такой момент глупо моргают, трясут головой, хмыкают «надо же, дежавю» и живут дальше. Счастливые, слепые идиоты.

Меня не просто накрыло — меня оглушило. Звук города отрезало, будто кто-то выдернул штекер из колонки. Ни гула вечернего проспекта, ни шуршания шин по мокрому асфальту, ни чужих голосов. Только ледяная, звенящая тишина в черепной коробке и чужая память, которая с хрустом вломила в мою голову.

Я увидел то, что случится через три секунды. Увидел с пугающей, кристальной чёткостью, вплоть до капли дождя на металлической штанге пирсинга в её брови. Вот её карие глаза расширяются от животного ужаса. Вот её тёплые пальцы выскользывают из моей ладони, потому что я не успеваю сжать их крепче. Шаг вперёд из-за капота. Ослепительный, выжигающий сетчатку белый свет фар в упор. Глухой удар.

Четыре года. Четыре чёртовых года я жил в полной уверенности, что на неё мой проклятый радар не работает. Что она — моё единственное слепое пятно, моя тихая гавань, женщина из нулевой вероятности, которую невозможно просчитать.

И вот теперь я стою посреди перехода, смотрю на то, как в реальном времени медленно-медленно поворачивается её голова, и у меня есть меньше половины секунды, чтобы решить главный ребус всей моей двадцатилетней жизни. То, что мне только что показали, — это инструкция по спасению или предсмертный репорт моего двойника из соседней ветки, который уже облажался?

Если я сейчас рвану её на себя — я сломаю этот сценарий или, наоборот, сам втяну её ровно под удар?

Как же страшно, оказывается, иметь выбор, когда не знаешь правильного ответа. А ведь когда-то я бы отдал всё на свете, лишь бы хоть раз ошибиться...

В детстве я думал, что со мной всё нормально, а вот остальные люди просто немного тормозят. Ну, знаете, как старые компьютеры со слабым железом, у которых текстуры подгружаются с задержкой в пару секунд.

Мне было лет восемь или девять, когда я впервые понял, что «вспоминать будущее» вслух — плохая идея. Мы сидели на кухне, мать наливала кипяток в заварочный чайник, и меня привычно кольнуло в затылке коротким, мутным кадром: трещина в стекле, бурая лужа на клеёнке, её крик. Я тогда просто сказал, даже не отрываясь от своих деталек конструктора: «Мам, поставь на полотенце, он сейчас лопнет». Она удивилась, машинально подложила тряпку, и через две секунды дно чайника с тихим звоном отвалилось. Вместо того чтобы сказать спасибо, она тогда посмотрела на меня так, будто я сам его взглядом расколол.

С тех пор я заткнулся и начал просто наблюдать.

Никаких голосов с небес, никакой эзотерической чуши, богов или пророчеств во сне. Я технарь, я не верю в магию. То, что происходило в моей голове, больше всего напоминало перехват пакетов данных в локальной сети. Будто где-то совсем рядом, за тонкой перегородкой, тысячи таких же Грантов уже прожили эту секунду на мгновение раньше меня, набили шишек, наговорили лишнего, получили по морде или сорвали куш — а мне в голову сквозь трещины в изоляции сыпался сухой остаток их опыта. Сырой дамп памяти. Короткие, рваные спойлеры длиной в три-четыре секунды.

К четырнадцати годам я научился не просто ловить эти вспышки, а раскачивать их. Удерживать эту вязкую секунду дежавю за хвост, заглядывать внутрь и выбирать нужную дорожку.

Звучит как чит-код на бессмертие и успех, да? На деле же это превратило мою жизнь в бесконечно скучное прохождение игры по гайдам с «Ютуба».

Попробуйте как-нибудь пересмотреть один и тот же фильм пятьдесят раз подряд. На десятый раз вы выучите все шутки. На двадцатый начнёте замечать, как фальшивят актёры. На пятидесятый вас будет тошнить от каждого кадра. Вот так я жил каждый божий день.

Я вытянулся почти под метр девяносто, но весил при этом килограммов шестьдесят в лучшие дни

— постоянный перегруз в голове жрал калории быстрее, чем я успевал закидывать в себя еду. Мать таскала меня по врачам, те списывали мою бледность и худобу на быстрый рост и вегетососудистую дистонию, а я просто сидел в кабинете, смотрел на уставшего терапевта в очках и за три секунды до того, как он откроет рот, уже помнил, какое именно лекарство он сейчас выпишет и как кашляет в кулак.

Люди вокруг меня превратились в NPC. В болванчиков с прописанными скриптами. Я смотрел на одноклассников и видел не живых подростков, а примитивные алгоритмы. Вот этот сейчас соврёт, что забыл тетрадь, и поведёт правым плечом. Вот эта девчонка на перемене подойдёт попросить списать, искусственно улыбнётся, а если я откажу — в соседней ветке она назовёт меня заносчивым ублюдком, поэтому проще сразу молча протянуть ей листок, ещё до того, как она договорит фразу. Видели бы вы их лица в такие моменты. Меня считали странным, холодным, но чертовски проницательным. Своим парнем я ни для кого не стал, да и не рвался. Я надевал глухую чёрную водолазку под горло, накидывал сверху широкий бомбер, зачёсывал светлые волосы назад, втыкал наушники и уходил в код.

Железо и единицы с нулями были честнее людей. Компьютер хотя бы не притворялся, что у него есть свобода воли.

А потом наступил десятый класс, и систему заклинило.

Она перевелась к нам в середине октября, когда за окнами уже вовсю висела серая московская хмарь. Я тогда даже не особо обратил на неё внимания — мало ли новеньких приходит и уходит. Невысокая, мне едва ли по грудь, в каком-то безразмерном чёрном худи, в котором она утопала целиком, с густыми смоляными волосами ниже плеч и стальной штангой пирсинга в левой брови. Обычная девочка, разве что взгляд тяжёлый, слишком взрослый и чуть насмешливый. Её звали Рина.

Первые пару недель мы вообще не пересекались. Я сидел на своей камчатке у окна, она — через два ряда. Сбой произошёл в ноябре, в совершенно дурацкой, бытовой ситуации у школьного автомата с кофе.

Я стоял в очереди за ней. Автомат зажевал её купюру и противно запищал. По привычке — чисто на рефлекс, как я делал тысячи раз в день — я сфокусировался на её затылке и плечах, ожидая привычного щелчка в голове. Сейчас должен был прийти короткий трёхсекундный фрагмент: как она пнёт железный ящик или выругается, как обернётся, и какую точную фразу мне нужно будет бросить, чтобы быстро разругать заминку и забрать свой эспрессо.

Я ждал секунду. Две. Три.

В голове стояла гробовая, стерильная тишина. Ни единого кадра. Ни малейшего эха из других вероятностей. Будто передо мной стоял не человек из плоти и крови, а пустое место, дыра в коде вселенной.

От неожиданности я так растерялся, что сделал шаг вперёд и ляпнул первое, что пришло в голову, совершенно без всякой подстраховки:

— Если ударить кулаком чуть левее экрана, он выплюнет сдачу.

Рина медленно обернулась. Снизу вверх посмотрела на меня своими тёмными, глубокими карими глазами, чуть приподняла проколотую бровь и вместо того, чтобы стукнуть по автомату или поблагодарить, спокойно выдала:

— А если я ударю и окончательно его доломаю, ты скажешь охраннику, что это была твоя гениальная идея?

И улыбнулась одними уголками губ.

У меня внутри всё оборвалось и ухнуло куда-то в район кроссовок. Я не знал, что она это скажет. Я не знал, что она улыбнётся. Я вообще не видел её следующего движения — вот она просто берёт и засовывает руки в карманы своих широких чёрных джинсов, и для моего мозга это становится абсолютным сюрпризом.

В тот день я провалил контрольную по физике, потому что весь урок тупо пялился в её спину и пытался нащупать сигнал. Я пробовал считывать её на переменах, в столовой, в гардеробе. Я смотрел на её одноклассниц рядом с ней — и видел их на три шага вперёд: кто сейчас засмеётся, кто поправит чёлку. Переводил взгляд на Рину — и упирался в глухую чёрную стену. Белый шум.

Сначала это бесило меня чисто как программиста, который нашёл в идеально отлаженном движке необъяснимый баг. Я начал крутиться вокруг неё специально. Подсаживался на общих уроках, заводил какие-то необязательные разговоры про музыку, про кривое расписание, про погоду — просто чтобы протестировать систему. Я ждал, что вот сейчас, ну вот в эту секунду меня наконец-то накроет дежавю, и она станет такой же прозрачной и понятной, как все остальные.

Но проходили недели, за ними месяцы, десятый класс перевалил в одиннадцатый, а моя голова рядом с ней продолжала блаженно молчать.

И постепенно до меня дошло два факта.

Первый, чисто технический и довольно жуткий: если дежавю — это память моих двойников из параллельных веток, то тишина вокруг Рины означает только одно. Во всех остальных миллионах реальностей мы с ней никогда не встречались. То ли она не перевелась в эту школу, то ли мы прошли мимо друг друга по разным сторонам улицы, то ли... об этом думать не хотелось. Наша с ней история существовала в единственном экземпляре. Без черновиков. Без права на загрузку сохранения.

А второй факт доходил до меня медленнее, но бил куда сильнее: я впервые в жизни чувствовал себя живым человеком, а не биороботом, только когда смотрел в её карие глаза. Рядом с ней мой вечно перегретый процессор наконец-то остывал. Мне приходилось думать самому, подбирать слова вслепую, глупо шутить невпопад, краснеть, когда она ловила мой взгляд, и по-настоящему бояться облажаться.

Когда в июне после выпускного мы сбежали от шумной толпы одноклассников на пустую набережную, меня трясло так, как не трясло никогда в жизни. На ней было какое-то тёмное свободное платье, поверх которого она всё равно напялила мою огромную чёрную куртку, и ветер путал её длинные волосы. Я стоял перед ней — долговязый, тощий, с бешено колотящимся в горле сердцем — и понимал, что сейчас скажу три главных слова, не имея ни малейшего понятия, чем закончится эта сцена через пять секунд. Пошлёт она меня к чертям? Рассмеётся? Уйдёт?

Я выдохнул и признался. А она посмотрела на меня снизу вверх, подошла вплотную, уткнулась лбом мне куда-то в грудь и тихо буркнула в ткань моей водолазки:

— Господи, Грант, я думала, ты ещё год будешь ходить вокруг меня кругами и молчать со своим умным видом.

Если бы это была сопливая подростковая мелодрама, на этом месте можно было бы пустить титры. Но жизнь — штука упрямая, даже если ты умеешь заглядывать ей за кулисы.

Мы поступили в разные универы. Я с головой закопался в низкоуровневое программирование, архитектуру систем и крипто на одном конце города, она ушла на совершенно другое направление на другом. Казалось бы — живи и радуйся. Но чем сильнее я к ней привязывался, тем сильнее во мне просыпался параноик.

Я по-прежнему не мог прочесть саму Рину. Но я чертовски хорошо читал весь остальной мир вокруг неё.

Первый год наших отношений прошёл почти гладко. Она списывала мои странности на обычную мужскую заботу или хорошую интуицию. Ну, подумаешь, Грант почему-то резко потянул за рукав и увёл в другой переход ровно за минуту до того, как у входа в метро сцепилась пьяная компания с ножами. Подумаешь, настоял, чтобы она не ходила на вписку к одноклассникам, где потом половину народа увезли с отравлением палёным алкоголем. Ей даже нравилось, что за моей худой спиной в чёрном бомбере можно спрятаться от любых неприятностей, как за бетонной стеной.

Трещины пошли на второй год.

Понимаете, когда ты постоянно видишь исходы чужих поступков, остановиться только на реальных угрозах невозможно. Соблазн подстелить соломку везде, где только можно, сжигает тебя с потрохами. Я начал чистить пространство вокруг неё на автомате, как антивирус, который сносит любые подозрительные файлы без спроса пользователя.

Мы сидим в кофейне с её новой подругой по универу. Я смотрю на эту девчонку, ловлю короткий спойлер её мимики и точно знаю: через две недели эта милая особа подставит Рину перед деканатом ради места на стажировке. И я, даже не задумываясь, парой точных, ядовитых вопросов за столом вывожу её на чистую воду прямо сейчас, заставляя психовать и слиться.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.